

ВЛАСТЬ КАК ФАКТОР ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М. В. Савва¹

Статья посвящена исследованию проблем влияния власти на гражданскую культуру в современной России. Власть является определяющим фактором формирования гражданской культуры. Автор делает вывод о том, что актуальные для современной России типы гражданской культуры могут быть выделены методом отстройки от типов стратегий политического управления, используемых в ходе реформ. Новации в системе власти сопровождаются одной из трех стратегий: игнорированием; имитацией; внедрением. Соответственно, стратегия игнорирования порождает протестную гражданскую культуру, имитация — культуру правового сопротивления, и внедрение — культуру гражданского сотрудничества.

Ключевые слова: гражданская культура, участие граждан в управлении, административная реформа.

The article devotes to the problem investigation of authority influence on civic culture in modern Russia. Authority is a determining factor of civic culture forming. The author concludes that relevant types of civic culture for modern Russia can be separated from types of political administration strategy using in the course of the reforms by turning-out method. Innovations in the authority system are accompanied by one of the three strategies such as: neglect; imitation; implementation. Accordingly, neglect strategy causes protest civic culture, imitation causes legal opposition culture, and implementation causes civic cooperation culture.

Key words: civic culture, administration on citizen's participation, administrative reform.

Понимание гражданской культуры со времени издания классического труда Г. Алмонда и С. Вербы [10] усложнялось и дифференцировалось в понимании различных авторов [11]. В настоящее время уже возникает необходимость определения авторского подхода к гражданской культуре в каждой новой работе. Автор настоящей статьи исходит из того, что гражданская культура — это система установок человека на его взаимодействие с властью и другими гражданами в решении общих проблем и тип поведения в таком взаимодействии. В данном понимании нет отсечения каких-то форм гражданской куль-

¹ Савва Михаил Валентинович — доктор политических наук, профессор кафедры связей с общественностью КубГУ. Эл. почта: srrcmike@list.ru.

туры из-за их неразвитости или агрессивности. Протестная активность, по нашему мнению, также является частью гражданской культуры. Гражданская культура связана с деятельностью теснейшим образом. Так, Е. В. Соцкая пишет: «Гражданскую культуру можно охарактеризовать как исторически обусловленный способ духовно-практической деятельности человека по освоению действительности, воплощающий опыт предшествующих поколений в сочетании с социокультурной динамикой» [7, с. 16].

Гражданская культура, как любое социальное явление, не автономна, она вырастает под влиянием системы факторов. Для России важнейший из этих факторов — роль государства. Одной из особенностей нашей страны является большая роль государства во всех сферах жизни. Один из интереснейших современных российских исследователей власти академик Ю. С. Пивоваров говорит о том, что в России сформировался такой тип развития, в котором власти и государству принадлежит решающая роль. Именно поэтому в России стала складываться особая культура, которую Ю. С. Пивоваров назвал властечцентричной [4].

Избыточность государства приводит к его сильному влиянию на гражданскую культуру. Это влияние осуществляется через «сцепление» культуры властного управления и гражданской культуры. При этом тренды культуры управления в современной России крайне противоречивы. С одной стороны, федеральная власть провозгласила в первой половине нулевого десятилетия административную реформу с такими направлениями, как: переход на управление результатами, оптимизация функций исполнительной власти и борьба с коррупцией, стандартизация и регламентация деятельности власти, повышение эффективности взаимодействия власти и гражданского общества [2]. Цели административной реформы отвечают интересам гражданского общества: повышение качества и доступности государственных услуг; ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования; повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти.

С другой стороны, на уровне субъектов РФ и в муниципальных образованиях вектор изменений власти довольно часто направлен в противоположном направлении. Это подтверждается, например, усилением коррупции в течение последнего десятилетия. Так, по экспертным оценкам, только в период с 2000 по 2005 г. размер деловой коррупции в России вырос в 9 раз. Несмотря на активную риторику власти на тему борьбы с коррупцией, коррупция становится все более системной и социально опасной. Исследования, в том числе исследования Южного регионального ресурсного центра [3], фиксируют несколько тенденций в этой сфере.

1. Рост процента «откатов». Дойдя до планки 50% и более, откаты «замораживают» экономическую жизнь. С одной стороны, отдать столько чиновнику нельзя, поскольку это означает разрушить проект, который за эти средства необходимо по поручению государства выполнить. С другой стороны, поскольку чиновник ждет не меньше 50%, он просто не принимает решений о финансировании.

2. Появление новых практик, которые говорят о развитии коррупции. Например, продажа должностей в органах власти на определенный срок. Это ускоряет коррупционный оборот и одновременно усиливает коррупционную нагрузку на бизнес и граждан.

3. Внедрение коррупции в сферы, где ее раньше не было. Практически отсутствовала коррупция в распределении грантов на поддержку социальных проектов некоммерческих организаций, пока этим занимались зарубежные фонды. В то же время практики распределения грантов для российских НКО некоторыми российскими грантодающими организациями демонстрируют высокую коррумпированность.

Это противоречие между федеральной стратегией и региональной практикой может быть объяснено различиями интересов федеральной и региональной власти, а точнее, групп влияния, принимающих решения на федеральном и региональном/местном уровнях. Так, федеральная власть объективно заинтересована в суверенитете и конкурентоспособности страны на мировом рынке. Для сохранения первого и достижения второго и была начата реформа системы власти в России. Известный российский политолог А. И. Соловьев пишет: «Современные тренды эволюции политики наглядно показывают, что и качество управления государством, и перспективы развития общества напрямую зависят от характера вовлеченности граждан в управление государством. Именно этот показатель, предполагающий полное использование всех общественных ресурсов для разработки выигрышных управленческих решений, становится ключевым в условиях нарастания неопределенности» [5, с. 16]. В то же время интересов сохранения суверенитета и роста конкурентоспособности объективно нет у региональной власти и органов местного самоуправления: их функционал сохранится и в условиях отсутствия суверенитета и конкурентоспособности.

Что в настоящее время пытается делать федеральная власть с механизмами своего влияния на гражданина и общество в целом? В 2005 г. в России была концептуально оформлена административная реформа, т. е. реформа системы исполнительной власти. Фактически она начала реализовываться еще на пару лет раньше. Административная реформа вводит формализованные процедуры взаимодействия гражданина с властью. Сильная сторона этих процедур — именно их формализованность, которая защищает гражданина. Механизм защиты очень прост — если есть формализованная процедура, то за отступле-

ние от нее чиновник должен быть наказан. Для России чрезвычайно актуален переход к новому типу взаимоотношений между гражданином и властью. Его можно назвать взаимодействием на основе формализованных процедур. Эти процедуры массово вводятся именно в настоящее время на самом насыщенном взаимодействиями уровне — в системе местного самоуправления. Если вводимые регламентами процедуры взаимодействия будут сконструированы не в интересах гражданина или если они останутся только на бумаге — неизбежен дальнейший рост относительной депривации. Это определяется тем, что в условиях чрезмерности российской власти доминирование неформальных практик означает подчинение и подавление гражданина.

В то же время для российской современности характерны массовые неформальные практики деятельности власти. Они находятся в тени и в принципе не формализуемы. Таким образом, одно из главных противоречий современной политической культуры России — это противоречие между реальной неформальностью и вводимой формализацией.

Неформальные практики, в том числе противоречащие закону, свойственны всему обществу и всем уровням политической элиты. Так, руководитель одной из республик Северного Кавказа получил доклад о необходимости принять нормативный документ о порядке проведения публичных слушаний, поскольку этого требует федеральный закон, взял время для обдумывания и сформулировал решение: «Я звонил соседям-главам. Ни у кого этого нет, и нам не нужно».

Гражданский контроль становится ключевым понятием в системе активной гражданской культуры. Власть уже не в состоянии эффективно контролировать сама себя, федеральному центру требуется поддержка в лице общественного контроля. На местном и региональном уровнях, несмотря на попытки активизировать механизм ротации силовиков, очень часто возникают партнерские отношения между должностными лицами, которые должны контролировать друг друга (полиция, прокуратура, суды, следственный комитет). Новые механизмы гражданского контроля вводятся на протяжении нескольких последних лет. Необходимо вспомнить Общественную палату России, систему общественных наблюдательных комиссий в субъектах РФ (контролируют соблюдение прав человека в местах принудительного содержания). Наиболее яркий пример последнего времени — Указ Президента России «Об общественных советах при министерстве внутренних дел РФ и его территориальных органах». Согласно указу одна из задач общественных советов — «осуществление общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел». Необходимо подчеркнуть, что впервые в нашей стране общественная консультативная структура была наделена контрольными полномочиями. При этом речь идет не об одном совете, а о системе таких органов. В Краснодарском крае полтора

года назад были сформированы общественные советы при каждом управлении и отделе внутренних дел в городах и районах.

Рассмотрим, какие полномочия даны общественным советам системы МВД указом Президента:

«6. Общественный совет для выполнения возложенных на него задач имеет право:

а) запрашивать и получать в установленном порядке от органов внутренних дел информацию об их деятельности...;

б) заслушивать в порядке, установленном Министром внутренних дел Российской Федерации, информацию должностных лиц Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов о деятельности органов внутренних дел по пресечению преступлений, охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и профилактике правонарушений;

в) вносить руководителям органов внутренних дел Российской Федерации предложения по совершенствованию деятельности органов внутренних дел;

г) создавать по вопросам, отнесенным к компетенции общественного совета, комиссии и рабочие группы...;

д) принимать в порядке, определяемом Министром внутренних дел Российской Федерации, участие в работе аттестационных комиссий органов внутренних дел и конкурсных комиссий по замещению вакантных должностей сотрудников органов внутренних дел;

е) оказывать содействие сотрудникам органов внутренних дел в защите их прав и законных интересов» [8, с. 31].

Приведенный перечень является исчерпывающим.

Сравним с полномочиями членов Совета по наблюдению за действиями полиции Сан-Диего (США). Этот опыт известен автору по результатам стажировки в 2009 г. Члены Совета по наблюдению за действиями полиции, сформированного мэром города, имеют право:

— участвовать в патрулировании совместно с полицейскими;

— знакомиться со служебными файлами сотрудников полиции и обсуждать вопросы соблюдения закона этими сотрудниками на закрытых заседаниях (в течение месяца проводится два закрытых заседания совета и одно открытое);

— проводить проверки законности применения оружия полицейскими; в случае если расследование рабочей группы совета и полицейского начальника приведет к разным выводам, принимается позиция Совета;

— самостоятельно проводить рассмотрение жалоб на действия полицейских.

Таким образом, полномочия членов Совета по наблюдению за действиями полиции значительно шире. Конечно, оба случая являются компромиссами между интересами органа власти (полиции) и гражданского общества. Но в американском варианте этот компромисс построен за счет интересов органа власти, в российском — за счет интересов гражданского общества.

Напрашивается вывод: понимая необходимость расширения гражданского участия в управлении, федеральная власть выстраивает модель контролируемого участия. Это можно назвать участием совещательного типа.

Для ответа на вопрос, будет ли такая модель эффективной, необходимо учитывать особенности российской гражданской культуры. Как показывают результаты исследований, она очень своеобразна. В нашей стране наиболее широко распространены пассивные, аполитичные субкультуры. Наиболее распространенный тип — субкультура наблюдателей (чуть более половины населения — 56%). Почти каждый десятый россиянин — носитель «приходской» культуры (9%), а каждый двадцатый — культуры «подчинения» (5%) в терминологии Г. Алмонда и С. Вербы. На протяжении последних полутора десятилетий эти пропорции сохраняются [11].

Главная характеристика политической жизни современной России — это устойчивое отчуждение большинства населения от власти. При этом в России существует довольно высокий уровень интереса к политике, что не характерно для классических аполитичных культур. Таким образом, можно составить социальный портрет россиян постсоветского периода: достаточно образованные люди, привыкшие использовать различные каналы политической коммуникации, на досуге разговаривать о политике и одновременно не верить политикам и представителям власти.

Носители субкультур активной группы — это россияне, желающие оказывать влияние на власть. Однако большинство из них не верят нынешней власти и олицетворяющим ее персонам. Доверие к власти людей, потенциально составляющих ее опору, в частности, в организации гражданского участия в управлении, может быть достигнуто в результате демонстрации властью серьезности своих намерений. Другими словами, уровень этого участия, закрепленный нормативно, должен быть выше современной российской практики общественного контроля и даже выше экспериментального варианта, который в настоящее время осуществляется в российской полиции.

Актуальные для современной России типы гражданской культуры могут быть выделены методом отстройки от типов стратегий политического управления, используемых в ходе реформ. Новаии в системе власти сопровождаются одной из трех стратегий: игнорированием; имитацией; внедрением. Игнорирование предполагает, что власть не делает ничего даже в сфере своей прямой ответственности. Имитация означает формальное выполнение, когда проблема не решается, но создается видимость активности по ее решению.

Внедрение — оптимальный вариант, при котором власть искренне и целенаправленно внедряет важную для общества инновацию.

Соответственно стратегия игнорирования порождает протестную гражданскую культуру, имитация — культуру правового сопротивления, внедрение — культуру гражданского сотрудничества. Культура гражданского общества субъектов РФ и даже более крупных по территории регионов может быть отнесена к одному из этих основных типов. Другими словами, гражданское общество остается ведомым, позицию ведущего сохраняет власть. Один из главных вопросов современной российской сферы гражданской культуры: какую гражданскую культуру производит власть своими действиями?

От одного субъекта РФ к другому ответ на этот вопрос будет разным. Есть ряд территорий России, где можно говорить об общем векторе эффективного внедрения новаций в интересах общества: Пермский край, Самарская область. Здесь создаются условия для формирования культуры гражданского сотрудничества.

Для значительной части субъектов РФ характерна модель имитации. Это можно уверенно сказать, например, о Краснодарском крае. Требования административной реформы по повышению эффективности взаимодействия власти и гражданского общества в рамках данной модели выполняются формально, т. е. без ориентации на результат. Но все же выполняются. Это определяет главную ответную стратегию гражданского общества, которая реализуется в рамках культуры правового сопротивления. Другими словами, здесь структуры гражданского общества ориентируются на то, чтобы наполнить содержанием создаваемые властью «пустые формы»: общественные советы при органах власти, другие переговорные площадки. Кроме того, на таких территориях граждане сами иницируют и создают новые механизмы взаимодействия с властью (пример — ежегодный гражданский антикоррупционный форум Краснодарского края). При этом есть установка на взаимодействие именно с этой властью, конкретными чиновниками и депутатами. Представителями данной гражданской культуры власть воспринимается в значительной степени как функция. Это означает, что в этой системе у людей сохраняется надежда заставить власть действовать по правилам. Имитационный характер управленческой культуры в Краснодарском крае подтверждается результатами недавнего исследования, проведенного под руководством профессора В. Н. Якимца «Индексы оценки состояния гражданского общества в регионах современной России». Итоги исследования были представлены на симпозиуме «Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России» в Подмоскowie в марте 2011 г., край занял третье место среди субъектов РФ по такому показателю, как «развитие партнерских отношений между гражданскими организациями и властью по продвижению механизмов межсекторного социального партнерства». Кубань оказалась сразу

за Самарской областью и Пермским краем [9, с. 19]. При этом наличие механизма социального партнерства фиксировалось по принятию нормативного документа. Проблема заключается в различиях между принятием документа и реальной активностью института. Например, Закон Краснодарского края «Об Общественной палате» был принят в 2008 г., однако до настоящего времени палата не создана. В течение всего 2010 г. в крае проходило по инициативе Общественного совета при ГУВД обсуждение новой редакции краевого закона «О противодействии коррупции», была создана при участии администрации края рабочая группа по подготовке соответствующей законодательной инициативы от имени губернатора. Но в итоге законодательная инициатива так и не была внесена.

Наконец, наиболее ярким примером модели игнорирования и соответственно протестной гражданской культуры являются некоторые республики Северного Кавказа. Для протестной гражданской культуры типична готовность многих людей на использование насилия по отношению к власти и ее представителей. Это гражданская культура вооруженного сопротивления, т. е. она признает возможность незаконных методов взаимодействия с властью. Проявлением такой культуры являются, например, теракты. Рост популярности салафий (фундаменталистского ислама) также можно рассматривать как ответную реакцию некоторой части общества на деятельность власти. Этот рост продолжается, поскольку у него есть объективная база — высокий уровень социальной депривации. «Дрожжи», на которых вырастает салафия — массовое чувство несправедливости. Типичная и главная характеристика салафитов их сторонниками — «они справедливые». Конечно, далеко не все носители протестной гражданской культуры и далеко не всегда готовы использовать незаконные методы в своем диалоге с властью. Но даже в тех случаях, когда выбираются легальные способы, граждане исходят из того, что эту власть нужно сменить. Пример: два года назад, при подготовке первых выборов органов местного самоуправления в Ингушетии, республиканская власть навязала муниципальным образованиям модель местных выборов по пропорциональной системе. То есть все депутаты органов местного самоуправления были избраны на первый двухлетний срок по партийным спискам. Создаваемые в настоящее время инициативные группы по проведению местных референдумов хотят добиться изменения этой системы, введения голосования по территориальным округам. Другими словами, люди исходят из того, что власть нужно сначала поменять, а потом уже строить отношения с другой властью.

Гражданская культура как культура деятельностного и конструктивного взаимодействия гражданина и власти в России еще не приобрела кумулятивного эффекта, когда потенциал саморазвития настолько велик, что не нуждается во внешних подпорках. В нашей стране гражданскую культуру необходи-

мо выращивать наиболее надежным способом: не мешать ее развитию. Что мешает этому в настоящее время?

1. Отсутствие у власти уровня субъектов РФ и местного самоуправления действенной мотивации развития гражданской культуры. Как уже говорилось, гражданская культура в современной России является ведомой, а ведущей остается избыточная по своим возможностям власть. Активный гражданин, создание условий для его развития просто не входят в спектр реальных интересов власти. Нет таких закрепленных законами полномочий власти, которые бы требовали содействия развитию гражданской культуры. Решению этой проблемы могло бы помочь введение обязательного аутсорсинга ряда функций власти на всех ее уровнях.

2. Фактическая включенность местного самоуправления в систему государственной власти. Законодательно это не так, но начальники управлений культуры муниципалитетов собираются на планерки в республиканском министерстве. Дело в том, что местное самоуправление по содержанию своей деятельности, по направленности интересов может быть нижним этажом государственной власти или верхним — гражданского общества. В нашей стране местное самоуправление фактически (но не по закону) подчинено государственной власти. Причина такой подчиненности — жесткая бюджетная вертикаль России. Органы местного самоуправления не могут позволить себе самостоятельности в отношениях с властями субъектов РФ в силу контроля со стороны последних за бюджетными ресурсами. Но усиливаются также другие способы обеспечения зависимости ОМСУ. Так, ширится практика внедрения в муниципалитетах схемы управления, предусматривающей выборы главы МО из числа депутатов и наличие назначаемого по контракту, но наделенного большими полномочиями главы администрации — «сити-менеджера». Это схема минимальной зависимости ключевых фигур муниципальной власти от граждан и максимальной — от субъекта РФ. В связи с этими проблемами необходима корректировка бюджетных нормативов: местное самоуправление должно стать более самостоятельным. Это не опасно с точки зрения угроз сепаратизма — районы из страны не уходят, ограничивать необходимо полномочия субъектов Федерации.

3. Отсутствие законодательно закрепленных механизмов непосредственного участия граждан в управлении делами государства. Некоторые из этих механизмов нормативно закреплены в каких-то субъектах Федерации. Но эта практика в настоящее время — скорее исключение, чем правило. Можно уверенно говорить об отсутствии законодательной основы для реализации конституционного права: «Граждане РФ имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей» (ч. 1 ст. 32 Конституции России). Граждане нашей страны имеют право, но имеют ли возможность? Представьте себе реакцию чиновника, к которо-

му пришел гражданин со словами: «Хочу принять непосредственное участие в управлении делами государства. Что мне делать дальше?». Законодательная база России такова, что механизмы воздействия гражданина на государственную власть (федеральную или уровня субъекта Федерации) намного слабее этих механизмов на уровне местного самоуправления. Необходимо принятие и апробация в ряде субъектов Федерации разработанного модельного закона «О реализации права граждан на непосредственное участие в управлении делами государства» [1].

4. Отсутствие правовых механизмов перевода рекомендаций совещательных гражданских структур в обязательные для исполнения решения власти. Если обязательность отсутствует, в условиях современной России рекомендации не учитываются. Причина понятна — рекомендательные нормы общественных структур являются эффективным механизмом только в условиях страха действующей власти перед выборами. Если результаты выборов очевидны заранее, мягкий рекомендательный механизм становится бессмысленным. В настоящее время в нашей стране ситуация именно такова. Необходимо расширение практики наделения контрольными полномочиями общественных советов при органах власти с учетом опыта полицейской реформы.

5. Низкий экспертный потенциал структур гражданского общества, что не позволяет воспользоваться новыми механизмами влияния на власть:

- общественной экспертизой;
- регламентами оказания услуг;
- ежегодными докладами о результатах деятельности;
- возможностями общественных наблюдательных комиссий;
- контрольными полномочиями общественных советов при органах полиции и т. д.

Какие изменения региональных гражданских структур происходят в настоящее время? Социологи отмечают рост протестных настроений россиян. В 2011 г. в ходе всероссийских опросов около половины респондентов заявили о своей готовности принять участие в протестных акциях (по результатам февральского исследования ФОМ, 49% готовы выйти на улицы, а 45% не станут этого делать) [6]². Безусловно, это вербальная сфера. Между заявить и выйти — большая дистанция, но все же направленность процесса очевидна. Декабрьские события 2010 г. в Москве и ряде других городов России подтвердили возможность «взрывной мобилизации», в ходе которой большие группы людей оперативно реагируют на конкретное событие, усиливающее массовую депривацию. Это событие должно быть из ряда ярко подчеркивающих несправедливость власти или хотя бы выглядеть таким образом для массовых

² Социологи фиксируют рост протестных настроений в России. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/02/25/823094.html>.

социальных групп. Реакция проявляется в протестных уличных действиях с применением насилия. Помимо расширения социального ареала протеста, феномен «приморских партизан» продемонстрировал появление новых географических ареалов крайнего варианта протестной гражданской культуры. Надежды на то, что выход из кризиса и увеличение объема «углеводородных» денег автоматически снизит общественное недовольство, безосновательны. Людей выводит на улицы не сам по себе низкий уровень жизни, а глубина различий между реальностью и ожиданиями.

Вектор изменений гражданской культуры направлен к протесту. И это крайне нежелательный вариант для России. Ответственность за дальнейшее развитие событий взаимна, она лежит как на власти, так и на гражданском обществе. Но это, безусловно, различная ответственность: власть конкретна и персональна, гражданское общество — общая, деперсонифицированная конструкция. При этом интерес сохранения стабильности должен быть общим для гражданского общества и власти.

Необходим перевод протестной активности, допускающей насилие, в форму правового сопротивления. При этом власть должна понимать, что такое сопротивление, не дающее гражданам результата, не может быть привлекательной моделью и не ослабит протестный потенциал насилия. Необходимо предъявлять этот результат людям в каждом субъекте РФ и муниципалитете.

Для получения результата недостаточно, чтобы власть стала признавать правоту граждан в возможном споре. Одна из самых важных задач дня — повышение экспертного потенциала гражданского общества. Компетентность в форме гражданской компетентности — один из базовых элементов гражданской культуры. К настоящему времени в рамках административной реформы уже создано много реально применимых (хотя и мягких) механизмов гражданского участия в контроле за властью и в принятии решений. Но, как в сказке Аркадия Гайдара о Мальчише-Кибальчише: «И снаряды есть, да бойцы побиты». То есть очень мало кто из граждан России знает об этих механизмах и тем более умеет их применять. В то же время объективная потребность в них у людей велика и продолжает расти.

Библиографический список

1. *Акрамовская А.Г., Веприкова Е.Б., Савва М.В.* Модельные законы субъекта Российской Федерации «О реализации права граждан на участие в управлении делами государства в субъекте РФ» и «О государственных гарантиях права населения на осуществление местного самоуправления в муниципальных образованиях субъекта РФ» с комментариями. М.: ЗАО «Гриф и К». 2007.
2. Концепция административной реформы в Российской Федерации: одобрена распоряжением Правительства России №1789-р от 25.10.2005 г. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4>.

3. Об общественных советах при министерстве внутренних дел РФ и его территориальных органах: Указ Президента России № 668 от 23.05.2011 г. // Российская газета. 2011. 27 мая.
4. Основные проблемы взаимодействия органов государственного управления и общественных организаций // Вектор влияния. Краснодар: «Полиграфсервис», 2007.
5. *Пивоваров Ю. С.* Тенденции русской государственности и современность. Первая лекция. URL: <http://lib.rus.ec/b/218266/read>.
6. *Соловьев А. И.* Диалог государства с обществом: проблемы и направления // Материалы Всероссийского научно-практического симпозиума с международным участием «Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России». М.: РАПН, 2011.
7. Социологи фиксируют рост протестных настроений в России. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/02/25/823094.html>.
8. *Соцкая Е. В.* Становление гражданской культуры в современной России: философский анализ: дис... канд. филос. наук. Ставрополь: СГУ, 2004.
9. *Якимец В. Н.* Оценка и направления использования потенциала гражданских инициатив и возможностей межсекторного социального партнерства при модернизации России // Материалы Всероссийского научно-практического симпозиума с международным участием «Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России». М.: РАПН, 2011.
10. *Almond G. A., Verba S.* The Civic culture. Political attitudes and democracy in five nations. New York, 1963.
11. *Heunks F., Hikspoors F.* Political culture 1960-1990 // Values in Western Societies/ed. by de R. Moor. Tilburg, 1995.